

Владимир ЕРМАКОВ

Владимир Александрович Ермаков родился в 1949 году близ станции Петушки Московской области. Автор более десяти книг стихотворений и эссе. Произведения публиковались в крупных литературных изданиях России, Финляндии, Польши, США. Стихи и проза включены в хрестоматию для школ и ВУЗов «Писатели Орловского края XX век», антологию «Русская поэзия XXI век». Лауреат национальной Горьковской литературной премии. Заслуженный работник культуры РФ. Член Союза писателей России. Поэт, публицист. Живёт в Орле.

ЧАСОСЛОВ

К метафизике повседневного

И СТАЛ СВЕТ

Древние народы, осознавая свое особое место в мире, обожествляли все, от чего зависели. То есть осваивали пространство своего существования не только в физическом плане, но и в метафизическом. Метафизика имела большее значение для формирования древних культур, чем экономика. Все аспекты повседневности в той или иной степени были обусловлены сакральной природой сущих вещей. В античной мифологии, классической для всей западной цивилизации, на все стоящее имелось свое божество. Эти существа, ответственные за порядок вещей, наделялись всеми мыслимыми и немыслимыми достоинствами. Кроме, пожалуй, нравственных. Впрочем, божественное пренебрежение к морали от Ромула до наших дней свойственно всем властью имущим; известное дело – всякая власть развращает...

Богиня утренней зари звалась Эос; сестра Гелиоса и Селены, она стала матерью ветров и звезд. Как следует из олимпийских сплетен, эта дама даже среди нестрогих нравами античных богов отличалась легкомыслием. Афродита за блудни Эос с Аресом отомстила ей по-своему:

вселила в нее постоянное желание. Оттого на расвете мужчины и женщины томятся снами, которые друг другу не рассказывают... Впрочем, речь не об этом. По горизонту античной Ойкумены Эос величественно шествует в такт гекзаметру Гомера: *Но, лишь явилась Заря розовоперстая, вестница утра...* Так в переводе Гнедича. А в буквальном переводе – *с перстами пурпурными Эос...* Римляне, перенявшие мифологию от греков, установили в вышних свой порядок. Эос в латыни назвалась Авророй; от слова *auga* – пред-
рассветный ветерок. Аура утра – тихая радость.

Эта скромная ипостась вечной богини гораздо ближе русскому сердцу. В нашем пленэре ничего нарочитого, яркого, пестрого, ничего наспех и напоказ, – но сколько несказанной прелести в самых обыкновенных пейзажах, озаренных трепетным сиянием восхода! Палитра раннего утра – полупрозрачный срез перламутра. Розовые, золотистые, сизые, сиреневые, зеленоватые, палевые цвета переливаются друг в друга и растворяются в бледном огне рассвета. Не краски, – оттенки. Занимается заря, – и в нищем настоящем проявляется образ непреходящего. Все, чего коснется Эос пурпурными перстами, заливается нежным румянцем... как бы от смущения.

Каждое утро происходит обновление картины мира. Своего рода перезагрузка. В лесу, в саду, в городском сквере первой просыпается пернатая мелочь. Те незаметные пичуги, что с темнотой затаились в листве, по мере видимости набираются храбрости и подают голоса, собираясь к утренней перекличке. А вот непуганые вороны, те всегда на виду. С врожденным сознанием своей значимости, они привычно охорашиваются в преддверии делового дня, поправляя примявшиеся перья и полируя матовые клювы. Мрачные грачи смотрят на то неодобрительно. Пока бестолковые галки наперебой рассказывают друг другу свои сны, вездесущие голуби суетливо охаживают злачные места, ища пожрать. Блудные коты, возвращаясь из загула, не обращают на птиц никакого внимания: им бы добраться до дому и завалиться до обеда...

Я хочу найти образ рассвета, чтобы он встал перед внутренним взором как некий мираж, в котором больше настоящего, чем в тысяче суетных утренних случайных впечатлений. Может быть – это? По склону покатога берега, цепляясь клочками за кусты краснотала, сизый туман спускается к сонной воде, чтобы скоро исчезнуть, без следа растворившись в золотой дымке. Корова, по колено зашедшая в мелкую речку, будит смутную воду, и вода взбадривается нервной рябью. Пологие волны расходятся кругами от опущенной коровьей морды, и солнечные блики золотыми щепками танцуют на разбегающейся воде. Напившись, корова поднимает голову и отмаргивается от солнца, удивившего в глаза. Тяжелые капли срываются с намокшей морды и сверкают в падении. Корову зовут Зорька; она рыжая, а против восходящего солнца кажется красной. Какое красивое и доброе слово – корова...

(Где я все это видел? Когда? Не помню, да это и не важно. Может, все это лишь снилось мне на летней заре, в счастливый месяц в деревне...).

Утро нарастает по всему земному простору, и по берегу, поросшему незабудками и лопухами, стелется едва слышный шепот. Ночная роса, конденсат лунного света, испаряется под первыми лучами солнца, и упоенные травы расправляют листья и стебли. Ветер, рожденный зарей (аура), набирает силу, поднимается от реки, разгоняется

по лугу и пробегает по окраинам рощ. Деревья, начиная с опушки, стряхивают с крон остатки темноты, и несчетные мириады листьев поворачиваются к свету, чтобы уловить его в микроскопические реторты клеток, где происходит таинство фотосинтеза. Священные деревья и тихие травы, возмещая растраты жизненного ресурса, наполняют сферу мира живительным кислородом. Как легко, как вольно дышится на рассвете!

Мне хотелось написать эссе, в котором бы не было ни философии, ни морали, только то, что есть само по себе... Но природа сознания не терпит пустоты; нет образа без смысла. Вся наша повседневность незримо пронизана метафизикой; стоит чуть ослабить рациональный регламент целенаправленного мышления... Видимо, имманентное свойство мышления – неустрашимое стремление к обобщению. Что особенно проявляется в литературном творчестве. Тем более, настроенном на лирический лад. Из метафор и метонимий, с помощью которых я хотел воссоздать в тексте робкий и зыбкий утренний свет, все четче проступает скрытый в теме тезис: рассвет – это наглядный образ просветления.

Мы знаем, что ночь конечна, и эта уверенность дает силу мысли, опережающей время. Я где-то читал о племени, для которого в мире не было ничего непреложного. Странные люди! Их бедный разум не связал ход природы надежным узлом космогонического мифа, и все, что происходило с периодической регулярностью, каждый раз являлось для них полной неожиданностью. Заход солнца они воспринимали как мировую катастрофу. Темные люди собирались у догорающих костров и прижимались теснее друг к другу, пребывая в отчаянии и забываясь на краю бездны. Каждый рассвет случался для них как великое чудо. Когда первые лучи золотили вершины холмов, радость бытия потрясала их души как радужный взрыв счастья. Ибо явление света знаменовало торжество добра и победу над смертью.

В подобную коллективную наивность сверх всякой меры и вне житейского опыта я, честно сказать, не верю. Скорее всего, это чей-то досужий вымысел, – такая ироническая притча о непомерных претензиях детерминизма.

Во всех известных мифологиях и метафизических системах граница ночи и дня является зоной неиссякаемого оптимизма. Главное – дожить до рассвета.

Рассвет в мире начинается по крику петуха, и все чудовища, рожденные сном разума, в новом свете утрачивают свою темную реальность. Мрачные демоны, князья тьмы, прячутся в глубоких провалах памяти и темных закоулках рассудка; мелкая городская нечисть тихом стекается в канализационные коллекторы, задраивая тяжелые чугунные люки; худосочные вампиры забываются кошмаром в тайных подвалах станции переливания крови. Так в городе. А в сельской местности... На берегу реки задремавший рыбак вздрагивает от тяжелого всплеска – это запоздавшая русалка возвращается домой, в тихий омут. Сказочные ведьмы как бы само собой превращаются в обыденных баб, обремененных житейскими заботами.

Должно быть, в предрассветном сне мне примерещился леший – тихо помешанный старик, заблудившийся в трех соснах на окраине пригородной рощи. *Мир таинственный, мир мой древний* – где ты? Невесть... Ладно; куда ночь, туда и сон. Утро вечера мудренее.

Общеизвестно, что в отношении суточного цикла люди делятся на сов и жаворонков. Совы поздно ложатся и долго спят, а жаворонки наоборот. Первые – люди заката, а вторые – люди рассвета. Совы склонны к философии, а жаворонки к поэзии. Жизнь не дает поблажки ни тем, ни другим. И все же нет ничего лучше жизни. На закате это понимаешь, а на рассвете чувствуешь. Опыт переживания явлений природы насыщает нас пониманием их целесообразности. Закат умиляет взор и утешает обиды ума, а рассвет лечит зрение и целит душу. Не спешите отводить глаза; время, потраченное на созерцание, возвратится сторицей – прибылью в полноте смысла каждого грядущего часа. Утро изъясняет азы метафизики на языке повседневности. Не надо высоких слов, никаких слов не надо, кроме разве что самых простых и древних метафор, чтобы понять что-то очень важное. Бытие не пустое измышление философов, а великая возможность, которая трепещет в каждой жилке проснувшегося тела.

Стоит почувствовать себя живым и сущим, – и жизнь просветляется в своей непостижимой основе. Все, чем обрадовано и обнадежено сердце, соткано изначальным светом по утку извечной тьмы. Вот мысль, которая посетила меня однажды на рассвете: *счастлив тот, кто счастлив немногим*. Сама по себе она не нова; из века в век ее на все лады склоняли ветхозаветные пророки и моралисты всех мастей, уверяя маловерных и утешая слабодушных. Но в тех изводах, что я встречал ее прежде, эта сентенция соскальзывает то в мистический аскетизм, то в магический гедонизм. В контексте рассвета эта простая истина явилась мне в предельной полноте и буквальной точности: примите во владение весь явленный мир, но отнеситесь к сущему без корысти и похоти. Все, что есть, дано сполна здесь и сейчас. И каждый божий день тому надежное подтверждение.

Когда рассветает, очевидец зари становится не свидетелем, а участником чуда. Ибо это явление природы наглядно представляет явление сущего из тьмы. Микрокосм, то есть человек, по сути идентичен макрокосму, то есть миру. Именно так на исходе сна пробуждается в нас сознание: сначала отдельными первичными элементами разума, затем связными блоками памяти, а потом – лавиной. В беспредельном мраке небытия разгорается малая искра божья – точка опоры нашей личности: это – Я. Я есть. Я есть некто. Я есть где-то. Я – сущий в мире. Реальность возвращается из забвения, где она отдыхала от восприятия. Деревья и дома, холмы и овраги, города и дороги, люди и звери обретают очертания и наполняются сущностью. Доброе утро!

Книга Бытия начинается с явления света. И сказал Бог: *да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы*. В самом начале времени Бог внес в мир ясность. В процессе жизни накапливаются ошибки, и мир наших грез становится плотным и непрозрачным. Тьма берет реванш. Но не надо отчаиваться. Ночь никогда не бывает безрассветной. Рассвет – это возможность начать жить заново.

Светает. Из тьмы свет, из тишины звук. Утренняя тишина отличается от ночной как

молчание от безмолвия. Вот-вот забота дня соберется с мыслями и приступит к делу. Ритмичный стук поезда по горизонту словно расторопные ангелы на огромной швейной машинке наскоро пришивают небо к земле, закрывая от взоров звездную бездну, – чтобы люди не отвлекались свыше нужного на тайны мироздания, а занялись своими земными делами. Пора уже. Солнце взошло, и на все четыре стороны света – осянные дали. До чего же все-таки хорош наш мир! Может, где-то есть еще краше – а по мне так лучше этого не выдумать. Пожить бы подольше...

Светает. Вот-вот настанет новый день. Настанет день... ветхозаветный пророк чешет в затылке: что он такое хотел предречь? Настанет день... Настанет, непременно настанет. Уже настал, пока мы к нему не спеша примерялись. Неповторимый. Невероятный. Невозвратный. Новый день: сегодняшней. В каком-то смысле каждый божий день – первый. Первый день наступающего будущего.

ДНИ РАДОСТИ

Мотивом и стимулом к написанию этого сентиментального текста стал один житейский момент, в котором не было ничего, кроме очевидности.

Был день... не белый день, а серый: безрадостный по всем параметрам. Не спеша шел дождь, собравшийся быть долго. Внутри этой мокреди мы с женой шли под намокшими зонтами по невзрачной улице – шли по неровному тротуару, обходя впадины, заполненные темной водой. Небо никло к земле и провисало грязной кисеей, сочащейся серой сыростью. Зябкий ветер лез за пазуху в тщетной надежде согреться. Понурые грачи ютились на голых ветках, пытаюсь понять, почему они не улетели отсюда – если не в лучшие края, то хоть куда-нибудь. Когда мне приходит на ум слово *хандра*, я представляю себе нечто в этом роде – унылое, убогое, удручающее донельзя. Надо добавить, что мы шли из поликлиники, куда для развлечения не ходят, тем более в такую погоду.

– *Ты посмотри, какая прелесть!* – сказала вдруг жена. В полном недоумении я стал озираться по сторонам: что прелестного она увидела

в наших непрезентабельных обстоятельствах? – *Что ты имеешь в виду?* – спросил я. – *Всё вместе*, – ответила жена; – *сумрачный воздух так обобщает пейзаж, что город кажется нарисованным: передний план – рисунок пером, а перспектива – размывка тушью.* И повторила с тихим восхищением: – *Какая прелесть!* Я пребывал в некоторой растерянности. Чтобы свинцовую мерзость ненастья, холодной тяжестью давящей на душу, произвести в прелесть, надо сильно постараться...

И я постарался. И у меня получилось. Сосредоточившись в себе, я вывел взгляд из дежурного режима привычного восприятия в модус отстраненного созерцания. И заново увидел картину повседневной действительности – как нерукотворный образ божьего мира, наделенного предустановленной гармонией. В окружающем пейзаже нацеленный глаз различал пятьдесят оттенков серого. Поддаваясь чарам сокрытой красоты, я оценил меланхолическую прелесть монохромного колорита, ощутил застенчивую нежность невесомой измороси, осознал смиренную отрешенность холодной сумрачности. Какая прелесть! По остывшим чувствам, будоража скорбный разум явлением жизни, пробежала теплая волна...

В этом бессодержательном событии беспризорного времени мы, досужие очевидцы обыкновенного чуда, были необходимым и достаточным условием чудесного преображения обыденности. Городское пространство, представленное в эстетическом ракурсе, осознавалось как масштабное произведение изобразительного искусства. В целенаправленном восприятии все сущее входило в общий композиционный замысел – утесы зданий и распадки улиц, ступение туч и мерцание луж, контуры деревьев и силуэты прохожих. Ретушь дождя придавала пейзажу визуальную зыбкость, – словно городская среда, уходя из глаз в глубину пейзажа, растворялась в темном воздухе. От чувства сопричастности сокровенной красоте божьего дня в таинственной глубине сердца незримым сиянием занималась беспричинная радость.

Жизнь, как она дана в текущем времени – обыкновенное чудо: преобразуясь в сфере сознания из возможности в действительность, *божий*

день становится *каждым*. Наше повседневное существование посредствует между физикой и метафизикой.

Что я хочу доказать, представляя этот тезис в качестве резона – *raison d'être* (разумного основания к существованию)? Ничего, кроме того, что само собой разумеется. А именно: качество нашей жизни зависит от нашего отношения к ней. Если исключить крайние случаи, от которых никто не застрахован, на протяжении своих дней человек сам решает, как ему живется. Кто счастлив малым, а кому всем миром не угодишь. Одни и те же вещи могут быть источником раздражения и удовольствия; в зависимости от точки зрения в них можно увидеть повод к радости или к досаде. Человек как таковой существует не вообще, а в своей частности, в обстоятельствах места и времени, – но только осознанное ощущение универсальности и уникальности своего бытия может наполнить его разум смыслом, а сердце счастьем.

Один из самых цитируемых авторов древности, ветхозаветный проповедник Екклесиаст, обобщая жизненный опыт в духовный вывод, с героическим отчаянием убеждает нас в том, что непреложность жизни гарантирована неизбежностью смерти, и надо благодарить Бога за каждый день, прожитый сполна. *И помни Создателя твоего в дни юности твоей, доколе не пришли тяжелые дни и не наступили годы, о которых ты будешь говорить: "нет мне удовольствия в них!"*. Заповедь Екклесиаста действительна в обратном чтении: доколе не наступили другие дни, радуйся этим.

О, эти быстротечные дни нашей жизни! – лазурные, золотые, серые, ясные, ненастные, ведренные, ветренные, студены, знойные, мирные, скучные, хлопотные, тревожные, беспечные, битые, пустые, решающие, никчемные, судьбоносные, мимолетные, преходящие, вчерашние, нынешние, завтрашние... Открытые возможности существования, расчисленные по датам календаря и суммированные в жизненный срок, – сколько их суждено каждому? Бог весть – а мы не ведем...

Да и не надо живому знать, на сколько ему надо рассчитывать; живи здесь и сейчас, проникаясь сполна заботой каждого дня. Живи

отныне и впредь так, как будто в твоём распоряжении вечность, но каждый день проживай так, как будто он последний. Это отнюдь не пессимизм, – скорее, наоборот. Суровый моралист Лев Толстой, оспаривающий многие общепринятые правила жизни, в этом вопросе проявляет несвойственную ему жизнерадостность. *Дело жизни, назначение ее – радость. Радуйся на небо, на солнце, на звезды, траву, на деревья, на животных, на людей. И блюди за тем, чтобы радость эта ничем не нарушалась. Нарушается эта радость, значит, ты ошибся где-нибудь – ищи эту ошибку и исправляй.* («Дневник» 1984). Причем, как считал Лев Николаевич, чем проще жизнь, тем она лучше. Тезис сильный, – но не доказуемый. Самому Толстому, как он ни старался, опроститься, слава Богу, не удалось.

Если посмотреть на ту же ситуацию с другой стороны, самородная радость является единственным лекарством от хронического страдания. Кто переживает жизненное поражение, должен найти в нем положительный смысл, и тем самым обрести свет во тьме. Этим обетованием живет персонаж романа Роберта Пенна Уоррена «Потоп», коротающий дни своей жизни в житейском тупике. *Все, что ему осталось, была радость, а вернее, то трудное и суровое переживание преходящего времени, которое он звал радостью – ибо это было все, что ему удалось сохранить от настоящей жизни в пустоте своего существования.* Сохранив это, он сохранил главное.

Все вышеприведенные суждения, исходя из разных источников, приходят к единому мнению: радость – награда мудрости. А мудрость несовместима с завистью и корыстью, пропитавшими дух времени черной желчью. Мы находим в жизни мало радости, потому что мы не умеем освобождать мысли от злобы дня. Тем более что все наши заблуждения, увы, находят подпитку и поддержку в общественном сознании. В непрерывном процессе интенсивной жизнедеятельности в социальном организме вырабатывается множество психических отходов. Все разногласия, набирая обороты в ожесточенных спорах, вырождаются в хроническую вражду.

Повседневные люди стремятся избавиться от последствий заражения злобой дня. Как могут. Но большей частью не могут. В системе разрядки

внутреннего напряжения место нравственных авторитетов, которых среди нас не стало, заняли психотерапевты. Наверное, специалисты по душевным болезням могли бы вернуть уклонистов от нормы в естественное состояние, но беда в том, что нормативы социальности в нашем обществе не соответствуют критериям нравственности. И хотел бы кто жить лучше, – да кто ж ему даст. Нет, мил человек! – будь как все, а то тебе же хуже будет! На ярмарке житейской суеты основным продуктом межличностного обмена является суррогат радости – злорадство. О, это наркотическое пристрастие к осуждению ближнего своего! Отравление завистью и злостью способно убить душу вернее иного греха. Когда все должны быть как все, мало у кого достает мужества быть собой.

Житейская мудрость, в отличие от большого ума, дается человеку не впрок, а в толк; не в итог жизни, а на каждый день. И распорядиться ей надо с пользой для души. *Всегда радуйтесь*, – наставлял апостол Павел эллинов и иудеев, ставших христианами, в Первом послании к Фессалоникийцам (5; 16). Как ни странно, с другой стороны к тому же призывал современников моралист Гораций в одной из од (I; 11): *carpe diem* – лови день; живи настоящим, радуясь день-деньской тому, что есть такая возможность. Это отнюдь не призыв к гедонизму; меседж назидания ближе к позиции стоицизма. Понять смысл классической сентенции можно по аналогии с народной мудростью, – *береги копейку, а рубль сам себя сбережет*. Цени дни, тогда и век не растратишь даром. Такая вот экзистенциальная экономика...

Для настройки высшей нервной деятельности на успешное выполнение этой жизненной задачи нужно периодически проводить перезагрузку сознания. То есть оптимизацию разума: ориентацию на лучшее. Без целенаправленной работы над собой в деле воспитания чувств не обойтись. В немецком языке есть характерное слово для обозначения приподнятости духа, настроенного на хорошее: *die Vorfreude* – предчувствие радости. Экзистенциальный потенциал этого эмоционального ресурса философ Петер Слотердаик определил так: *Предвкушение радости уже содержит полноту радости*. Такова

диалектика желания: предвкушение и послевкушение важнее поглощения.

Радость – естественный тонус правильно устроенной жизни. Ибо нет ничего лучше для человека, чем хорошо распорядиться тем, что ему дано. Не стоит алчно желать сверх того, что нужно для обыкновенной жизни. То, что обходится нам слишком дорого, не стоит заплаченной цены. Я уверен, что это так, но доказать не возьмусь. Идеалист во мне утверждает, что мое хроническое стремление минимизировать расход жизненной энергии соответствует высоким идеалам философской аскетике. Хотя скептик во мне подозревает, что это не столько обретенная мудрость, сколько врожденная лень. Будучи конформистом, я согласен с ними обоими.

Правоту радости трудно подтвердить в опыте, но легко доказать от обратного. *Несчастлива душа, исполненная тревоги о будущем*, – сетовал философ Сенека. Он знал, о чем говорил, когда сказал то, что думал; его собственное будущее было неясно и ненадежно. Чтобы избежать худшего, ему пришлось, пойдя навстречу пожеланиям императора Нерона, своего неблагодарного воспитанника, в один роковой день совершить самоубийство, избавившись разом от печали о былом, заботы о настоящем и тревоги о будущем. Его выбор может быть уроком, однако не может служить примером.

Видение мировой истории, захваченной злобой дня, наводит на душу тоску, от которой трудно отвязаться. Но, чтобы сохранить душевное равновесие, надо учиться различать в окружающей действительности чудесные явления истины, добра и красоты. Иначе вся жизнь уйдет на осуждение жизни. *Всегда радуйтесь*, – наставлял апостол Павел свою паству, ибо меседж евангельской веры – благая весть. Веруя в лучшее, первые насельники Царства Божия жили с легким сердцем и умирали с чистой душой. Сам Павел принял смерть в Риме, – ему отрубили голову примерно в то же время, когда Сенека резал себе вены. Жаль, что два великих учителя жизни, обретаясь в общих обстоятельствах места и времени, так и не встретились, – и не выработали общего понятия о том, как должен жить человек, чтобы смерть не могла отменить смысл его существования.

Когда я думаю о том, как сложны объективные обстоятельства, в которых мы обустроиваем пространство нашей жизни, я испытываю чувство гордости за своих современников. Быть баловнем судьбы любой сумеет, – а вы попробуйте жить хорошо вопреки неблагоприятным обстоятельствам и добывать радость из вековых залежей бытовых проблем. Мне кажется, что русская история в символическом плане может быть прочитана как тайная хроника непрестанной борьбы Ивана-дурака с Лихом окаянным. В каждом русском мужике, если он сдуру не озлобился, живет Иван-дурак. Живет и побеждает тяготы жизни. А в каждой русской бабе, если она вконец не остервенела, живет Марья-искусница. Главное ее умение – искусство кройки и шитья. Настоящая женщина всегда сумеет выкроить время для сердечной радости и расшить цветными шелками суровое полотно повседневности. Как бы ни была сурова та или другая эпоха, наши женщины, если есть хоть какая возможность, украсят явление времени своим существованием.

Что бы ни говорили злые языки о свинцовых мерзостях окружающей действительности, а все же наше время, если судить сравнительно, предоставляет больше возможностей для хорошей жизни, чем предшествующие времена. Если не удалось стать счастливым по общепринятым стандартам, совсем не обязательно чувствовать себя несчастным. У кого есть сердце, у того есть сокровенное место для радости.

Как бы ни была протяженна и насыщена та или иная жизнь, дни радости в ней наперечет. На самом деле на радость каждому отведено всего три дня: вчера, сегодня и завтра. Обыкновенные дни, что даны судьбой на прожитие. А уж как вы сумеете их прожить, это ваше дело. Хотите жить в радости – радуйтесь, что живёте. Внимательней присмотритесь к обстоятельствам, чтобы выбрать из них наиболее благоприятные. И если не найдете повода к радости – создайте его. Если не для себя, так для ближнего своего. Это самое лучшее, на что можно потратить своё время. Это ясно, как божий день.

Одно из чудесных свойств радости – способность размножаться делением: когда делишься радостью с ближними, ее становится не меньше,

а больше. Я думаю, если есть на земле счастливые люди, они заслужили свое счастье, а не отняли у других.

ЗАКАТ. ЭЛЕГИЯ

Солнце садится, стекая по небосводу гаснущей огненной каплей к неровной линии горизонта. Все краски мира густеют, наливаются темным сиянием, достигают насыщенности и понемногу гаснут. Эта фантастическая феерия в обыденном языке зовется закатом.

Заход солнца – таинство, в котором частный случай человека меркнет на фоне величественного явления природы. На закате пространство измеряется не мертвыми километрами дорог, а простой протяженностью и чистой длительностью: сколько обозреваешь и насколько видишь, столько его и есть. Вот, сказалось: *ego?* чего именно? Если бы можно было назвать, если бы можно узнать истинные имена вещей, чтобы получить над ними магическую власть. Зачем? Чтобы предотвратить их предательский уход, исчезновение во тьме, растворение во времени. Чтобы стало так: я называю радость этого дня по тайному имени – и она остается во мне навеки, составив небесную часть моего земного удела. Но так не бывает. Все проходит, – элегически вздыхает библейский пророк, – и это пройдет... На кромке дня мир замирает в неверном равновесии и озирается в зеркале заката.

На медленном огне заходящего солнца готовится колдовское варево вечера. Птицы, легкокрылые посредники между землей и небом, собираются в стаи и кружат над долами, словно вовлеченные в незримые разборки воздушных потоков. Золотая пыль осаживается на скатах крыш и верхушках деревьев, и обедневший воздух тускнеет, остывает и теряет прозрачность. В тени деревьев и по западной стороне улиц собираются сумерки.

Юг не знает такого заката. Там все иначе, эффектнее и проще. Полуденное солнце тяжелеет, скатывается к краю неба, какое-то время еще медлит на грани дня, слепя до последнего – и, словно перезревший фантастический плод, взрывается раскаленной медной картечью, бьющей по глазам. И наступает тьма. У нас иначе.

У нас закат длится так долго, что природное явление переживается как произведение искусства и превращается в мелодраму. Что чувствует человек, соучаствуя в таинстве заката? Томление духа. Неясную ностальгию. Бесцельную надежду. Беспредметное сожаление. Основная тональность русского вечера – тихая меланхолия. Грустно жить на этом свете, господа! И все же в созерцании угасающего дня есть нечто утешительное.

Затканная золотом кромка неба цепляется за неровности горизонта, оставляя меркнущие ключья по вершинам холмов и верхушкам старых елей. (Может быть, земля на самом деле все-таки плоская?). В палитре среднерусского заката предзадана колористическая гамма старых икон. Воспаленный кармин. Болезненная желтизна. Розовая блеклость. Невесомая синева. Темная зелень. Тусклое золото. Верится, что в спектре заката есть незримая примесь не вечернего фаворского света. Если застоишься и засмотришься, становится как-то зыбко в себе. Словно душу тянет из тела в озаренные небеса. Кажется, что в зрелище заката нам приоткрывается сакральный смысл реальности.

Наш край земли скупее прочих на краски, но сколько тонкости в его сдержанной палитре! Размытая графика марта, подкрашенная гуашью; акварельная зыбкость перламутрового апреля, пастельная эскизность мая... Весенним сумеркам имманентна щемящая нежность. Только что было так хорошо, так весело сердцу – откуда же это помрачение? Неужели это все? Ну что ты! Все только начинается; вот настанет завтра...

Коротким и жарким летом глаза, истомленные солнечной щедростью, отдыхают на живописных красках заката. В летнем вечере нам дается блаженное отпущение забот дня. Восковые краски сентября наделяют закаты торжественной отрешенностью. Пейзаж золотой осени, высвеченный косым светом – настоящий пир для зрения. Прощальный пир. За ним – аскеза зимы: карандашные эскизы, намечающие контуры предстоящей весны; черновики к проекту возрождения природы. А ныне все кругом и пусто, и грустно – обрывать... И только долгие закаты, теплящиеся лампадами в красном углу недвиж-

ных туч под низким небом тесной родины, обещают утешение.

В классические эпохи пейзаж, то есть сфокусированный искусством взгляд на природу, является важным инструментом культуры. Отчужденный в пейзаже вид на окрестности возвращается в восприятии как некая нерукотворная икона природы. Взор на картину мира как бы являет мировоззрение в сжатом виде. Этика, выраженная в отношении к природе, определяет образ жизни. Порча или потеря мировоззрения влечет смысловое голодание. А как следствие – вырождение способности к радости.

Потеря пейзажа из виду – опасный симптом. Человек, отрезанный городской чертой от природы, забывает свое место в структуре мироздания и растворяется в суете. По вечерней дороге в город мчат автомобили – как будто торопятся успеть до закрытия условных ворот крепости. Никто не остановится полюбоваться на торжественный заход солнца. Никто хотя бы на несколько минут не остановит сутолоку в уме, чтобы увидеть свой путь на фоне заката и пожалеть о себе. Неоплатоник Ямвлих учил о философском отделении души от тела. Медитация на закате – одна из старинных надежных методик по упражнению духа в стойкости.

Вспоминается пронзительная метафора Аполлинера: *солнце с перерезанным горлом*. Когда заходящее солнце, разрезанное лезвием горизонта, растекается алым светом, сердце заходится необъяснимой тоской. День ли кончился, жизнь ли кончается? – но как короток и как тяжек наш удел на земле!

Даже в семнадцать лет нельзя не печалиться о своей конечности. Хотя бы иногда. Хотя бы на закате. Молодости нужна прививка печали – как вакцина от смертной тоски, поражающей незащищенное мудростью сердце сознанием тщеты. Чтобы перейти тьму и не сгинуть во мраке, надо всеми фибрами вобрать в себя этот уходящий свет, как мед в соты, чтобы напитать душу его горящей негой на всю предстоящую ночь.

Все великие культуры мира ищут и находят свой модус отношения сознания к бытию. Индийская онтологическая идея, наиболее полно выразившаяся в буддизме, полагает все

видимое и данное в ощущениях не более чем устойчивой иллюзией: майя. Майя – морок, узорным покровом накрывший бытие, овладевший им и подменивший его. Цель бытия, если поверить в учение Будды, прекращение потока сознания и растворение в нирване, в чистом и ничем не омраченном блаженстве. Правда, ценой потери личности. Днем я на это никак не согласен. А вот на закате становлюсь буддистом. Хотя бы отчасти. Той частью, что устала выдавать себя за целое. И хочет только покоя. Безмятежности. Любой ценой. Волны на поверхности сознания успокаиваются, и в зеркальном отражении чистого разума этот мир становится иным. И что, в самом деле, я нашел в себе такого, чего не было бы в других? Душа – другое дело; так ведь душа незакатна...

В духовной культуре Японии доминирует эстетическая концепция, поэтизирующая привкус горечи, таящийся в подвластной времени красоте предметного мира. Моно-но-аварэ; в буквальном переводе – грустное очарование вещей. Ощущение бренности, идущее от буддизма, наложилось на свойственное синтоизму благоговение перед природой. Наслаждение непрочной красотой опадающего дерева и текущей воды, темнеющей тени и тающего тумана сплавлено воедино с чувством быстротечности и непрочности земной жизни. В японской ментальности эстетика предшествует этике и в значительной мере программирует мораль. О, если бы можно было удержать в себе то стоическое благородство, что является в скорбном разуме на закате дня, – насколько бережнее мы относились бы к тому, что обречено тьме! Прежде всего, друг к другу...

На заходе солнца каждый из живущих особенно обостренно осознает свое экзистенциальное одиночество.

*На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер.*

Мацуо Басё, величайший поэт Японии, писал эти три строчки несколько лет. Невероятно. Невероятно, как ему удалось вместить столько мужества и печали, столько терпения и мудрости, столько смирения и достоинства в одну

монохромную миниатюру. Наверное, чтобы было внятно дотошному и мелочному западному уму, он мог бы сказать: ворон – это я. Но наверняка умолчал бы о том, что любой из нас – он же.

Элегическая тональность, свойственная закату, задает основной строй нашей задушевности. Элегия, от греческого “жалобная песня” – лирический жанр; стихотворение медитативного содержания, без отчетливой композиции. Воззрения славян на природу, как показал знаток фольклора Александр Афанасьев, издревле отличались поэтичностью. Классическая литература восприняла и довела до совершенства способность к тонкому сопереживанию таинств природы. Вся наша поэзия насквозь элегична. Понятно, почему. Русская действительность от Рюрика до наших дней, если судить строго, неправильна и несправедлива. Иное дело – русская ментальность; в ней все сущее находит свое разрешение.

Когда жизнь проходит, задним числом становится понятно, насколько она была полна и вольна в своем открытом течении. Остается только сожалеть, что вовремя не понял этого. И радоваться, что все-таки понял. Поздновато, правда – на закате своего века. Но лучше поздно, чем никогда.

НА НОЧЬ ГЛЯДЯ

На ночь глядя, на ум приходят мысли, для которых нет времени днем. Неотвязные и неподъемные, непосильные для обыденного ума, настроенного на злобу дня. Словно голоса ниоткуда, безответные вопросы смущают безбожную душу. На ночь глядя, соблазн метафизики искушает задуматься глубже, чем нужно для жизни.

Потакая себе, человек опирается на общее мнение; познавая себя, отталкивается от него. Человек – общественное животное, – сказал Аристотель. Язык – дом бытия, – сказал Хайдеггер. На выводе из силлогизма образуется умозаключение: люди – словесные существа, связанные речью. Эта связь крепка, как фатальная неизбежность, и тяжела, как крепостная зависимость. Не так живи, как хочется, а как бог велит. Атеисты говорят: совесть. Но существо вопроса от

этого не меняется. Согласно общему мнению, совесть – встроенное в душу исконное сознание добра и зла, то есть метафизическая инстанция.

Язык – дом бытия, но кто мы в доме – гости или хозяева? Дни, сведенные вместе обстоятельствами места и времени, находясь в здравом уме и твердой памяти, мы говорим о том, что нас сводит или сталкивает по ходу общего дела. Ночи, разведенные по бесконечным тупикам бессознательного, мы грезим о том, что осталось невысказанным. Днем нас разделяют слова. Ночью объединяет молчание. Слова стерлись от злоупотреблений. Молчание вменяет все.

Ночью смерть подходит к ломам болезни и нависает над страждущими. Как клином вышибают клин, так тьма захватывает свое в темноте. Яко тать в нощи. И тогда относительная тьма для нищих духом и немощных телом становится абсолютной. Иначе сказать – кромешной. Век снизил цену смерти. Ее было в этом столетии слишком много; она была дешева и доступна всем и каждому. Особенно в России, где вместо потенциального полумиллиарда ныне претерпевают историю менее полутора миллионам сограждан. Где остальные? В нетях.

У возможного стороннего наблюдателя (скажем, любознательного инопланетянина) может создаться впечатление, что человечество принесло человека в жертву прогрессу. Слишком много развелось на земле зла, и это вирулентное зло исподволь проникает в поры самых справедливых и гуманных институтов, созданных для борьбы с этим самым злом. Враг не прячет лица: он его просто не имеет. Или имеет слишком много обличий. Что одно и то же. Иногда кажется, что он приоткрывается в нечаянном зеркале. Например, в ночном окне.

В нашу эпоху, именуемую временем постмодерна, сняты или смяты вехи, отмечавшие границы добра и зла. Пусть неточные, пусть размытые – прежде они хотя бы подразумевались. Любая граница условна, но известные правила игры и моральные прописи худо-бедно помогали самоопределению обыкновенного человека. Теперь же прописаны с избытком права сексуальных меньшинств и всякой нечистой твари, и лишь просто человек предоставлен произволу судьбы. Той, которая злодейка. Злодейства хва-

тало всегда, но, кажется, в дележе невзгод было больше справедливости. Страшно, если и теория вероятностей подвержена коррупции. Тогда нельзя верить даже астрологам: в перспективе общей судьбы все удачные дни скуплены биржевыми спекулянтами, и на долю бедных людей остались только черные полосы...

Успокаивает мысль о вечной деревне. Там теплые большие коровы вздыхают в пахучем мраке скотных дворов и неспешно жуют бесконечную жвачку... отгрыгивают – и снова жуют. Жизнь пока еще продолжается; завтра будет молоко. Если будет завтра.

В каком-то смысле деревня та ось, вокруг которой вращается мир человека. Сама же она неподвижна. Недаром пастораль в культурном контексте помещается рядом с парадизом. Иной эдем трудно выдумать и незачем желать. Ибо сама идея рая самая немыслимая из всех абстракций: апория, недоступная рассудку. Главное, что отличает вечность – окончательность. А как ее нам вообразить? Запрет на изменения означает конец того бытия, которое мы знаем. Или хотя бы полагаем, что сопричастны ему всеми органами чувств и прикосновенны делом жизни. Того, что за пределом, нам не дано ни представить, ни, тем более, обосновать понятиями. Схождение во тьму? Или растворение в свете? И то, и другое отменяет нас в личном плане. А кроме нас у нас ничего нет.

Трудно быть человеком. Существо вида *homo sapiens* явлено в мире как онтический парадокс: антиномия плоти неясного происхождения и духа неизвестной природы. Каждому человеку суждено прожить свою мимолетную вечность в пограничье света и тьмы. И уклониться от этой доли нельзя.

В прении добра и зла, продолжающемся от начала времен, протагонист культового романа «Мастер и Маргарита» в качестве неопровержимого тезиса предъявляет своему антагонисту парадоксальную истину. Назовем ее *апорией Воланда*: – *Что бы делало твое добро, если бы не существовало зло, и как выглядела земля, если бы с нее исчезли тени? Ведь тени получают от предметов и людей... Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из-за твоей фантазии наслаждаться*

голым светом? Ты глуп. У меня такое чувство, что это сказано мне. И я не знаю, как защитить душу от дьявольской логики, отточенной до смертельной остроты... как нож неведомого злодея, таящегося во тьме моего незнания как тать в ночи.

В своей сущей глупости я, как и все смертные, хотел бы в основных вопросах достичь просветления. И оттого так часто бываю сумрачен. Бедному Мастеру не обещано и не дано было Света. Ему Булгаков от имени Иешуа даровал покой. Покой ассоциируется с тихим теплым вечером – эпилогом благого дня и прологом доброй ночи. Нам же не дано покоя. Те из нас, кто не имеет заслуг перед вечностью, живут накануне Апокалипсиса. Это предчувствие появляется не из чтения пророка Нострадамуса, а спонтанно, само собой, как тоска с похмелья.

Как только человек попал в историю, он, так или иначе, стремился из нее выбраться. Град Божий блаженного Августина не что иное, как теологическое решение уравнения добра и зла со многими неизвестными (то есть нами). В метафизическом плане ему соответствует Град Конечных Целей, построенный чистым разумом Канта. В таинственных дебрях русского менталитета прячется от здравого смысла мифологический град Китеж, – ушедший от теории и практики государственного строительства в глубокие воды коллективного бессознательного. За вычетом мечты в пределах империи смиренным обывателям, ищущим душевного покоя, предоставлялась прописка в городе Глупове. А беспокойным натурам, попусту баламутящим народ, предоставлялась возможность успокоиться в местах не столь отдаленных. Такая вот история. Одна на всех, но никому не своя. Сколько людей, столько проблем. Сколько беззаветных надежд зарождалось в радости на ложах любви и мучительно умирало на ложах скорби! Сколько безответных вопросов стояло бессонно у невзрачных окон, веками глядя в кромешную тьму бесконечного времени! Мысль, что ты лишь один из множества, странно утешительна.

Зимой в России по ночам часто идет снег. Смотреть на ночной снегопад – одно из редких преимуществ бессонницы. На текущую воду, горящий огонь и летящий снег можно глядеть

часами. Может быть, потому, что в этих процессах видится нам невысказанное совмещение движения и покоя. Даже самый прагматически устроенный человек подвластен этим древним чарам. Снежинки рождаются из бесконечной тьмы, впитывают в себя капельки растворенного в ней света и, мгновенными промельками подсвечивая воздух, доносят замороженный свет до земли, складировав в сугробы. Зимой вся Россия покрыта мириадами пудов омертвевших чешуек света.

Хотя, где она теперь – вся Россия? Спросите об этом у вынужденных мигрантов. Тех, кто вернулся с порушенных рубежей. Тех, кто отвечает частной судьбой за геополитические просчеты бывшего общенародного государства. Карма мрака. Беженцы, вестники беды, зараженные несчастьем. Тьма накрыла их оставленные палестины, тьма затекла в их запавшие глаза. Им трудно быть оптимистами; слишком много лишнего узнали они о законах истории и беззакониях людей. Государство учитывает их в списках и успокаивает подачками. Общество ограничивается абстрактным состраданием. Вокруг них незримая полоса отчуждения. В их жизни длится черная полоса. Более благополучные современники и соплеменники надеются втайне: нас это не касается; они не мы. Не надо обманываться. В беженстве явлен образ нашей общей доли/недоли. Ибо изгнание – экзистенциальное сгущение человеческой участи.

В удел человека входит право и обязанность разумного устройства мира. Отсюда неизбежность истории. Здесь коренятся утопии и сюда падают семена идей, всходя идеологиями. Но – *сущее не делится на разум без остатка* (так кратко русский скептик Чаадаев переложил аксиому агностицизма, сформулированную сумрачным немецким гением Гете). Все революционные процессы, особенно вдохновленные идеями Просвещения, обезличившего природу и обожествившего разум, происходили совсем не так, как задумывалось умниками. Крушение коммунизма оказалось особенно наглядным подтверждением теории относительности социальных истин. Поражение благих намерений в правах на действительность свидетельствует не о безграничности зла, но об ограниченности нашего понимания добра. В провалы истории

вторгается хаос. В развалинах утопии плодятся и размножаются нужда и беда, ложь и злоба, страх и грех.

Но у человека нет иного выхода, как быть человеком. То, что понятие о добре неизбежно и неистребимо, дает необходимые и достаточные основания для мужества. Основная проблема тысячелетних метафизических и теологических дискуссий – оправдание добра. Имеет ли зло онтологическую природу, то есть, надделено ли оно собственным бытием, или оно есть лишь ущерб, недостаточность, несовершенство, а потому может и должно быть устранено из истории? Объективно ли его наличие в мире или его привносит в мир падший человек, насилуя на свой манер предустановленную гармонию? В минувшем веке Россия была принудительно отлучена от сомнений, а Запад сокрылся от них в уютные тупики прагматизма, фрейдизма, аналитической философии, политической корректности *et cetera*. Благополучный обыватель, на ночь глядя из окна своей благоустроенной квартиры, не увидит ничего, кроме того, что на виду – слепящей тьмы достижений технологической цивилизации. Суতোлка огней сбивает с толку. Горизонт отодвинут, оттого и невдомек, что обступающий мрак густеет по границам.

Ибо свет истины рождается изнутри. Тот, который – добро. По Слову: *И свет во тьме светит, и тьма не объяла его* (Иоанн 1;5). Так было, и так будет, поелику глагол быть надделен реальностью. Удел человека противостоять первозданному хаосу. Удерживать себя. Концентрировать в себе растворенный во мраке свет и выделять его вовне. Даже если это занятие кажется безнадежным. Даже когда при полной ясности не видно ни зги. Даже когда не знаешь – зачем. Помня правило древнего христианского аскетизма, высказанное старцем Силуаном Афонским: *держи ум свой во аде и не отчаивайся*. Не отчаивайся, человек! Утро вечера мудренее.

Главное – не поддаться искушениям тьмы. Не верить лжи, соблазняющей ложным выбором. На самом деле выбора нет. Человек или будет человеком, или не будет вообще. В апокрифической книге Еноха (русской версии) сказано: *После греха – ничего, кроме смерти*. Прехопаде-

ние (отпадение от истины) описано там не как извращение естества мира, но всего лишь как изменение мысли о нем, заключающее отступника в им же очерченный круг ада. Гениальная метафизическая интуиция безвестного создателя апокрифа предвосхитила современные философские концепции соотношения материи и духа, реальности и виртуальности.

За горизонтом бесконечно разбегающейся вселенной нет ничего, что могло бы стать сущим. По ту сторону бесконечно расширяющейся сферы разума нет ничего, что могло бы стать знанием. Все, что не вмещается в наши понятия, позитивная наука числит по ведомству метафизики.

Первыми метафизиками были стражи палеолитических стоянок. Поддерживая прирученную стихию огня, пращурь обустроивали место человека в мироздании. В центре обжитого пространства, в рутинной мистерии прогорающего костра, мерцали угли. На другом конце непостижимой бесконечности мерцали звезды. Вечные знаки Ветхого Завета, обетование преодоления земного пути.

Потом к огню был придуман очаг и пристроен дом, а рядом хлев, где поселилась корова, умиротворенно жующая свою вечную жвачку. А тот, кто приручил огонь и корову, мира в душе не имел. Он часто вставал в ночи, ворошил угли в очаге и долго стоял у окна, вглядываясь в ночь. Мой дом – моя крепость. Крепость духа в осаде тьмы... Угли и звезды. Крайние точки, отмечающие дистанцию, на которую поставлен бысть человек. Чтобы своим умом постигать непостижимое. Несмотря ни на что. Глядя на ночь, сквозь ночь, за ночь. Как ни странно, хотя оснований для пессимизма во все времена было больше, стратегия оптимизма оказывалась выигрышной.

Тяжесть бытия невыносима в одиночестве. Единственным надежным способом объединения усилий многих является культура. Лишь вкупе с ней человеческое сообщество может удержаться в истории. Что особенно важно для нашего времени и для нашей страны. В бывшей и будущей мощи России сокровища ее языка стратегически стократ важнее богатств ее недр. И в этом смысле культурное одичание наших дней может быть определено как помрачение.

Ночь – время убийц и привидений, татей и вампиров. И прочей нечистой силы в ассортименте (не к ночи будь помянута). Ночные программы TV – разнузданная пропаганда кошмаров. Заигрываясь со злом, массовая культура растиражировала его персонификации в бесконечных сюжетах бессмысленных страшилок. Опошление коренной оппозиции добра и зла, порядка и хаоса неминуемо ведет к размыванию понятий и растлению духа. Магия занимает место морали. Страх перед неизвестным, загадившимся в глубине мрака, превращает людей в толпу.

Для толпы нет нравственных авторитетов. Забыты древние праведники и вымерли деревенские патриархи; дезавуированы мифологические герои и дискредитированы исторические деятели. Харизматических лидеров совсем не стало; диссиденты – и то все вышли. Когда умер академик Лихачев, не в меру ретивые почитатели причитали в голос: хороним совесть нации! Так ли? Значит ли это, что отныне мы своевольны и самодостаточны?

Ни в коем разе. Две вещи более всего поражали и восхищали премудрого Канта: звездное небо над головой и моральный закон в сердце. Категорический императив, который сильнее империй зла и непреложнее прав человека.

На границе тысячелетий история не воздвигла триумфальной арки. Нам не суждено было пройти торжественным маршем по столбовой дороге в светлое будущее. Напротив, прошлое смутно и грядущее темно. Наш человек расстроен и растерян в постсоветском пространстве. Но люди несут в себе обломки этических структур, и любое постоянное силовое поле воссоединит их в новую цельность. И в этом смысле народ вечен.

Тысячи и тысячи одиночек подолгу простаивают у окон – на ночь глядя. Видя – что? Свое отражение? Звезды? Или ничего? Или хуже: *Ничто...*

Во всякое время, ныне и присно человек востребован к ответу: человек ли он? Верный ответ только один. Человек должен собрать все свое мужество, чтобы ответить собой. И продолжать быть впредь. Вопреки всему. Вопреки очевидной силе неблагоприятных обстоятельств. Вопреки избыточности испытания и собственной недостаточности.

Пока человек не сдался тьме, он не побежден, даже если объят ею со всех сторон. Даже если ночь непроглядна. Даже если в доме напротив одно за другим гаснут последние окна. Даже если в лице, отраженном холодным стеклом, проступает что-то чужое.

В одну из черных ночей, сгустившихся над Парижем в годы немецкой оккупации, поэт Поль Элюар, на ночь глядя, сочинил белые стихи, ставшие мантрой Сопротивления: *Ночь никогда не бывает безрассветной. Есть всегда – я это утверждаю – на дне любого горя открытое и освещенное окно. Есть мечта, что бодрствует, желание, которое сбудется, голод, что нужно утолить, отзывчивое сердце, открытая протянутая рука, внимательные глаза и жизнь, которую готовы разделить с тобой...* Поэт был прав. На то и поэт, чтобы свидетельствовать о свете. Ибо настоящая поэзия, как бы она ни была порой темна в своих метафорах, ближе к истине, чем любая идеология.

Пока человек стоит вот так, молча и упрямо упираясь лбом в ночь, – те, кто за его спиной, могут спать и видеть хорошие сны в обетовании неизбежного и скорого рассвета.

